

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

И. А. БУНИН

Умер Бунин... По нездоровью я сидел дома и перечитывал его книгу „Воспоминания“, когда пришло известие о его кончине. Сразу как то холодно и тоскливо стало на душе, ушел в иной мир большой русский писатель и с ним оторвалась еще одна нить, связывающая нас с прежней Россией.

Лично я Бунина видел несколько раз, однажды даже на каком то вечере был ему представлен. Невысокого роста, сухощавый, с худым породистым лицом, он держался несколько надменно. Вспоминаю вечер его чтения в зале Габо в Париже, за несколько лет до второй мировой войны. Бунин выступал один, читая отрывки из своих произведений. Чтец он был изумительный, в течении двух отделений, наполнившая зал публика, слушала его с неослабевающим вниманием, наградив в конце долгими и дружными аплодисментами.

Передавали, что за последние годы, после получения вполне заслуженной им Нобелевской премии, гордость его настолько возрасла, что он уже не мог, не горячась и не возмущаясь, выслушивать хотя бы самое благожелательное замечание о своих произведениях.

Совершенно случайно пришлось мне это испытать на себе. После выхода в свет его книги „Темные Аллеи“, которая вызвала оживленную критику, главным образом за подбор рассказов эротического содержания, в журнале „Часовой“ был помещен мой небольшой очерк — „О темных аллеях“ навеянный этой книгой. В нем главное действующее лицо защищает Бунина от нападок, полагая что вопросы любви столь разнообразны, что трактовать их писателю и художнику, свободно выражающему свои взгляды и мысли, можно по разному. Каково же было мое удивление, когда редактор „Часового“ прислал мне полученное им от Бунина письмо. В нем в самых резких выражениях высказывал он свое возмущение, что какой то пигмей позволил себе критиковать его — великана. На это письмо отвечено не было, янисколько не обиделся и лишь удивился такой нетерпимости и непониманию. Это не помешало мне остаться горячим поклонником Бунина.

Литературная известность Бунина началась еще в России, в начале нынешнего века, после появления его книг „Деревня“ и „Суходол“. Я не буду касаться его крупного поэтического дарования, так как в этом вопросе недостаточно компетентен, но даже меня, профана, иногда поражали его чеканные строки. С избранием его академиком по разряду изящной словесности, началась его всероссийская, а потом и мировая слава писателя, увенчанная Нобелевской премией по литературе.

Главные его произведения написаны им уже в эмиграции. Как Тургенев, подолгу живший за границей, писал только на русские темы, так и Бунин весь свой огромный талант отдавал прежней России. Здесь им написаны „Роза Иерихона“, „Митина любовь“, „Господин из Сан Франциско“, „Жизнь Арсеньева“. Я не берусь разбирать их, слишком много места отняла бы такая попытка. Хочется мне остановиться только на „Господин из Сан Франциско“. С редким художественным чутьем вскрывает Бунин в этом небольшом рассказе всю тленность и ничтожество земного богатства, когда с ним связана душевная пустота.

Господин из Сан Франциско всю свою жизнь ни перед чем не останавливался, чтобы накопить богатство, ни перед неправдой, ни перед жестокостью, наконец достиг своей цели и решает с женой

и дочью предпринять увеселительное путешествие в Европу. Путешествие это обставлено со всей доступной роскошью, всякое желание миллионера тотчас же исполняется с подобострастным вниманием. Наконец семья прибывает на остров Капри, останавливается в лучшей гостинице, встреченная персоналом чуть ли не с королевскими почестями, — такова власть и обаяние денег.

Утомленный излишествами, господин из Сан Франциско, затянутый в смокинг, спускается в читальню, где поживает женой и дочь к обеду, заранее изысканно составленному, предвкушая новое удовольствие. И вдруг, внезапно поражает его паралич, он падает, его переносят сначала в его роскошный номер, а потом в убогую комнатку для прислуги, чтобы предсмертные хрипы и стоны не нарушали заведенного порядка и не тревожили других гостей. Не приходя в сознание он умирает. Сразу же все меняется, как по волшебству. Он уже не желанный гость, перед которым только что раболепствовали, а обуза, от нее нужно скорее избавиться, и все это администрация гостиницы делает с такой же степенью грубости, как раньше преклонялась перед богатством.

Наступает рассвет, восходит солнце, дивное утро. Во дворе гостиницы наскоро сколачивают гроб из ящиков для минеральной воды.

В это время, по дороге в город, спустившись с гор, идут два крестьянина с первобытными вольнками за плечами. Они останавливаются перед статуей Пресвятой Девы и начинают играть мелодию в ее честь. Но этих чистых, несложных звуков, идущих из глубины простых сердец, радующихся ясному утру и благодарящих за все Пречистую Деву, не слышит уже господин из Сан Франциско.

Насколько счастливее жизнь этих простых горцев по сравнению с столь кичившимся своим богатством человеком.

Бунинский язык поражает своей яркостью, точностью и вместе с тем подкупающей скупостью сравнений. Поразительно описание им русской природы. Когда он в нескольких словах описывает проселочную дорогу между двумя стенами ржи после дождя, то просто физически ощущаешь этот запах зацветающей ржи смешанный с запахом прибитой дождем дорожной пыли.

Бунин всем нутром своим ощущал русскую природу — тихие летние дни средней полосы России, южный полуденный зной, суровую зиму, когда все вокруг засыпано снегом, грустное умирание старых дворянских усадеб.

Уже в самые последние годы вышла книга — „Воспоминания“. Книга жестокая, суровая и беспощадная, как к друзьям, так и к врагам. Бунин с трепетом описывает свои встречи с Толстым, перед которым он преклонялся. Он знал всю литературную Россию в предреволюционные годы, был дружески связан с Чеховым, у которого часто и долго жил в Ялте, с Куприным. Много места в „Воспоминаниях“ отведено Чехову, большим поклонником таланта которого был Бунин. Но, кажется, впервые, им высказывается мысль, что наиболее слабыми произведениями Чехова являются его пьесы, создавшие ему всероссийскую славу вместе с Художественным Театром. Бунин находит пьесы скучными, натянутыми, а их персонажей не жизненными, не реальными, мастерски разбирает он все недостатки пьес и с ним поневоле соглашаешься.

Перед революцией повелось считать, что Чеховские пьесы выше всякой критики и иное суждение почиталось бы невежеством и ересью. Да и самый

Художественный Театр на такой ли недостижимой высоте он стоял... Как то на вопрос Бунина о Художественном Театре, Чехов будто бы ответил: — „Театр, как театр... Хорошо, что артисты знают свои роли, а Москвин так даже талантлив...“

Совершенно убийственны характеристики Горького, „третьего“ Толстого, перешедшего к советам. Во всем своем ничтожестве проходят перед читателем Маяковские, Бурлюки и пр. футуристы. Развенчаны тогдашние властители дум молодежи — Бальмонт, Брюсов, Блок с его кощунственной поэмой „Двенадцать“. Все это были предвестники грядущих страшных лет России.

Тот же Чехов как то выразился о футуристах: — „Какие они футуристы — это просто мошенники, которых следует отдать в арестанские роты“.

Думается что несомненно прав Бунин, когда удивляется, за что простила русская эмиграция Есенину все его кривлянья и кощунства, — простила она ему за позднейшие стихотворения с глубоким раскаянием за прошлое и подлинной любовью к настоящей, а не большевистской России. Недаром там, за железным занавесом, зачитывается Есениным русская молодежь, несмотря на запрещение советских заправил и преследование „есенинских настроений“, насозвучных с ложным пафосом строительства коммунистического рая.

После победы Советов во второй мировой войне ходили слухи, что большевики всячески соблазнили Бунина возвратиться в Сов. Россию, обещая золотые горы. Но тот, кто читал дневники Бунина „Окаянные годы“, а теперь „Воспоминания“, поймет, поймет насколько ненавистна была ему большевистская тюрьма, запрещающая даже свободно мыслить, насколько он презирал пошлость и убожество мысли, царящие там и уювающие в корне все талантливое, не могущее и не желающее подчиниться советскому крепостному праву.

Бунин умер, — но его произведения надолго его переживут и будут одним из звеньев той цепи русских писателей, которые создали первую в мире литературу, до сих пор нигде не превзойденную.

Бунин умер, — и нам, его современникам, остается, отбросив все второстепенное, склониться перед свежей могилой этого большого русского таланта.

15 Декабря 1953 г. Париж.

С. Мацылев.

„ ЧАСОВОМУ ”

(Стихотворение, напечатанное в № 29 „Часового“
Апрель 1930 г.)

Стоит на страже одиноко
Вперя в даль орлиный взгляд
И мысль летит за ним далеко,
Туда, на Родину, назад...

Летит с гор Дальнего Востока,
От Императорских могил,
Летит, как Африки сирокко,
Из той страны, где блещет Нил.

Летит с пустынь, где Туркестан
Сверкает заревом пожара,
С холодных Альп, с хребтов Балкан,
Со всех сторон земного шара...

Пусть же стоит наш часовой
На страже славы боевой
Былых побед отцов и дедов,
Чтоб не развеял ветер злой
Страны родной святых заветов.

Белград, 1929.

Петр Приморский.

За Мутной Пеленой

Рождественская быль

Безусловно, покидая гостеприимный, теплый кров маленького хуторка, затерявшегося где то в бездорожье, среди перелесков, в стороне от большой дороги — он вряд ли представлял, как через несколько часов обернется для него его рискованное предприятие — переход границы, прыжок на чужую землю, но к свободе и к своему спасению.

Еще менее он верил, что даже в случае удачи и счастья, на той стороне его сразу же ждет нечто подобное тому, что только что он оставил: теплый кров, участие к его судьбе простых добрых людей, их искреннее желание помочь ему, чем только можно: советами, указаниями и чуть ли не содействием.

Сейчас же, за порогом как только скроется из глаз гостеприимная крыша хуторка и потонет в мутной пелене начавшего валить большими хлопьями снега, его ждет полная неизвестность. Ему, одному и бесприютному так грустно и больно было покидать теплый уютный кров, уходить из него в такое время, как сегодняшнее, в день кануна такого большого христианского праздника — Рождества Христова.

По еле протоптанной полевой дороге, затерянный в начинающей снежной мути, сначала зашагал он бодро и смело.

И в этот момент, нахлынувшие воспоминания, как бы о чем то забытом, утерянном отвлекли на первых шагах его от беспокойных мыслей и тревожных о том, как совершится его недалекое путешествие и потом за этим уже какой то прыжок к свободе.

Белые хлопья — эти порхающие большие мотыльки, вокруг белая пелена снега, его одиноко маячущая фигура среди окружающего молчания, а тут и наступающий сочельник Рождества Христова. И вокруг все то же белое молчание.

А все это вместе, вся эта картина не кажется ли ему как прочитанная страница книги в далеком детстве.

И еще: перед этим только что оставленная милая крестьянская семья, готовящаяся встретиться вместе сочельник великого праздника. Семья, родной милый кров.. Все это и у него когда то было...

Боже, как все это далеко: и родной дом с его уютом, и семья и родные голоса братьев, сестер, отца, матери...

Кружатся мысли, летят в далекое прошлое, такое привычное, а тут все еще звучит нежными голосами как бы сопровождая его в жуткую неизвестность. Пожалуй, это рядом с ним и в нем:

Христос родился, Бог воплотился,
Ангели спивают, царие витают,
Чудо, чудо повидают...

— „Чудо повидают“... Это как будто не он произнес, а кто то чистый и белый, рядом с ним идущий.

Только надежда на какое то чудо, Рождественское чудо, о котором воспевали на хуторке малыши... Где то за мутной пеленой — его спасение.

Пожалуй, это и хорошо, что уж немного погода, как только он выбрался на дорогу, совсем замутилось в небе и крупные снежинки закружились в веселом хороводе.

Даже глазастым и страшным, что все видят и замечают — даже им, пожалуй, не охота кого то выслеживать в такую, по их мнению, дьявольскую погоду.

Тепло в помещении кордона, весело потрескивают в камине дрова, еще веселее у всех их от выпитого самогона.

Хоть они и большевики и коммунисты, но все